

взгляд, поднялся намного выше «деревенских, по-чвенных» поэтов.

В статье не представляется возможным проанализировать все духовные стихотворения поэта. Представим только самые яркие, опубликованные в поэтических сборниках с середины шестидесятых до конца восьмидесятых (последняя книга Ф. Сухова «Мать-и-мачеха» вышла в Москве в 1989 году). До самой смерти в 1992 году поэт писал стихи, особенно духовные, уже не оглядываясь на цензуру, работал над новой книгой «Взыскуемый град», которая, к сожалению, так и не вышла.

Русские философы конца XIX – начала XX века (В. Соловьев, Н. Бердяев, И. Ильин и др.) высоко ценили религиозность русского народа. «Великое историческое призвание России, – писал В. Соловьев, – от которого только получают значение и ее ближайшие задачи, есть призвание религиозное в высшем смысле этого слова».

В 1975 году в книге «Моё призвание» опубликовано стихотворение «Какая стоит по ночам тишина». Поэт точно даёт себе характеристику и горько делает вывод: «А я, сочинитель кощунственных строк, / себя самого разбросал я на ветер, / на запад бросал себя и на восток, / но песенный мой золотой колобок / никто не заметил, никто не приветил». Ф. Сухов упрекает себя: «Так, где же мой колокол? Где моя медь? Вблизи и вдали – безъязыко всё, немо. / Когда же смогло оно вдруг онеметь, / вдруг расколоться и умереть, мое отгудевшее медное небо?» «Мудрец-летописец, он скуп на слова» отвечает поэту: «То было егда... явились живущие в мире поднесь, / зело восприявшие норов и спесь / неведомой, дальней земли человеки...». Слово для Ф. Сухова «не полова», «превыше любого оно божества, от пепла и тлена ушедшее слово!»

Сухов не мог обойти в своём творчестве ещё одно святое место – озеро Светлояр и легенду о граде Китеже, которую он услышал в далёком детстве от бабушки Анисьи. Поэт воссоздал «Плач моей бабушки Анисьи Максимовны», вставил его в свою автобиографическую повесть о детстве «Буреполом», увидевшую свет только после смерти автора.

Стихотворение «Пребываю в невиданном городе» написано в 1975 году, опубликовано в 1979 году в книге «Ясень». Поэт представляет себя в славном граде Китеже, видит русских витязей, слышит, как их «созывает возвышенный колокол», автору «голубиная видится книжица», что «словесами зазывными радуется, умиляет певучими строками...» Всё стихотворение полно древнерусской лексикой и символикой: «сгибшая смородина», «душу выложу на переходину», «помоха», «по рамени неумаянно движется». И всё это не искусственно, для красного словца взято автором. Это то, что окружает его, связано с его старообрядческими корнями, с его родной Нижегородской землёй: Красная Рамень – местность в Борском районе Нижегородской области, между реками Ватома и Керженец, получила название по боровым лесам – сосновому краснолесью. «Помоха» у В.И. Даля – слово волжское, означающее мглу, туман, горькую росу или пар, вредящий хлебу, у Ф. Сухова великолепный поэтический образ «упасу молодую смородину от незримо витающей помохи», «молодая смородина» здесь прекрас-

ные чувства юности, чистота молодости, фольклорный образ. Голубиная книга – русский духовный стих конца XV – начала XVI века, в форме вопросов и ответов дающий сведения о происхождении мира, людей, сословий и фольклорную космографию, как мог не упомянуть о ней поэт, когда он слышал её из уст своей бабушки – Анисьи Максимовны. Сравните стихотворение Н. Заболоцкого «Голубиная книга» (1937). «В младенчестве я слышал много раз полузабытый прадедов рассказ о книге сокровенной...».

«В лирике наших поэтов, – писал Н.В. Гоголь, – есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно что-то близкое к библейскому. Верховный источник лиризма – Бог».

Ещё одно стихотворение «Верую, вовек не оскудеет» может быть прямым подтверждением словам великого писателя. Оно относится к 1975 году, этот год стал и трудным, и счастливым для поэта (опубликовано в поэтическом сборнике «Песня лета», 1978). В 1974 году он переносит тяжёлую операцию на желудке и пищеводе, связанную с онкологией, становится инвалидом 1-й группы, а через год он верит в то, что Бог оставил его в живых, чтобы он смог дописать всё, что задумал. Господь действительно подарит ему ещё 17 лет плодотворной, творческой жизни. Интересно, что поэт, ранее, с 1957 года живший только на гонорары от своих произведений, почувствовал себя финансово независимым от власти редакторов и цензоров: получая пенсию по инвалидности, он мог «писать в стол» о том, что его волновало и тревожило, не задумываясь о хлебе насущном. Его духовные стихи уже лишены иносказательности, завуалированности, часто не всеми понимаемыми. Однако они не лишены гражданского подтекста. Мы слышим, что поэт верует в «руку» Всевышнего, дарующую каждую весну возрождение природе, наполняющую красотой наш мир. А поэт верует, что и его «звбликовый голос» возвысится к «утренним небесам», что Господь так устроит, что «соловиное дарует горло всем обезголовосевшим», задавленным гнётом цензуры литераторам.

В 1977 году поэт публикует в книге «Земляника на снегу» (1979) стихотворение «Слышу звон колокольный. Давно...». В нём Сухов, не скрывая, рисует своего героя сожалеющим о том, что он «давно колокольного звона не слышал», утверждает, что «что-то нам посылается свыше, вдохновенно благовестит /, улаживает своими речами... / повестует возвышенный стих, / о великой глаголет печали». Бог зовёт автора к «одинокому храму... что вознёсся над этой печалью», упоминание о вербе подсказывает нам, что поэт спешит в храм в Великую субботу, ждёт Воскресения Господня, встречает «незримо идущего брата. / Брат из гроба восстал...». Поэт и сам воскресает и от болезни, и от молчания, от преодоления запрета говорить, писать о Боге «Я и сам только-только поднялся из гроба, возвратился / к ... светлым думам родимого крова».

Стихотворение «Глас вопиющего в пустыне» написано в 1980 году, опубликовано после смерти автора, начинается строками из пророка Исаии, которые целиком звучат так: «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделай-

те в степи стези Богу нашему». Пророк говорил об Иоанне Крестителе, которому предстояло прийти в мир через столетия после самого Исайи. В Новом Завете рассказывается, как Иоанн начал свою проповедь о покаянии. На нем лежала особая миссия, он готовил людей к скорому явлению Христа. Узнав об этом, иерусалимские священники пришли к Иоанну и спросили его, кто он такой. На что тот ответил словами пророка Исайи: «Я глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему». Фёдор Сухов эти слова использует как риторический вопрос «Глас вопиющего в пустыне, а может, не в пустыне, нет?», а затем отрицает свой вопрос, нет, его голос услышат, он уверен в пользе своего писательского труда. Поэт знает, «свято верит... и возглаголят даже звери на человечесем языке», если «душа поверит душе, а рука руке». В его стихотворении заложены сразу несколько смыслов: христианский, общечеловеческий и писательский.

Еще одно стихотворение «Только чистые сердцем узрят» написано в 1980, опубликовано в 1988 году в книге «Постать», начинается перефразированной Суховым шестой заповеди блаженства. Шестая заповедь блаженства о том, что чистота делает человека способным видеть Бога. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8). «И никто никого не озлит, / мирно здравствуют русские веси» – этими строками автор призывает к миру, к тому, чтобы становиться чище душой, успеть сказать людям «сокровенное слово», до того как покинешь этот мир.

В стихотворении «Надоедливей сделались мухи» (1981), опубликовано в книге «Плач Ярославны» в 1982 году, Сухов задумывается, что значит жить по-христиански. «Собираются в церковь старухи, / Зря долдонят, что Бога-то нет. / Есть какая-то тайная сила, / есть Всевышняя чья-то рука», а заканчивается стихотворение строчками «А вошедшие в церковь старухи / поясные поклоны кладут». Кажется, что поэт пишет об осени, о её грусти, но вдумчивый читатель понимает, что это осень человеческой жизни, она приводит к осмыслению, к принятию веры в Бога так, как это делают старухи, мудро ставящие на место всех атеистов одной фразой «зря долдонят», не спорящие ни с кем, а утверждающие силу Всевышнего. Удивителен язык этого стихотворения: сравнения «лебедино плывут облака», глаголы, употреблённые Ф. Суховым в неожиданных значениях: «лихорадит листву бересклетин, ежевику мою мурашит», «сыплет под ноги зябкую дрожь», «дождик бусит, моросит», «васильково лазурится овидь», «половеют её купола» (от полóва, мякина). А какие наречия? «Неприкаянно, сирó, кручинно сиротеет лесная обитель».

Книги Фёдора Сухова редактировали «книжники, фарисеи, а лучше сказать дипломированные невежды, презрительно морщась» (Ф. Сухов).

Всем своим критикам в «Буреполоме» поэт ответит так: «Не однажды упрекали меня за пристрастия к местным речениям, не ведая, что местные речения, как раз и составляют основу общенародного языка. До слёз обидно, когда по радио, по телевидению, с трибун всевозможных собраний, форумов, как сейчас принято говорить, слышны слова, которые противны духу, сущности русского язы-

ка, сохранившего отзвуки санскрита, вобравшего в себя дивную музыку эллинской речи, не отринувшего церковно-славянского, запечатлённого буквами Кирилла и Мефодия божественного глагола».

«В начале было слово. И в начале...» – стихотворение опубликовано впервые в журнале «Волга» №9, 1984. Начинается это стихотворение первой строкой Евангелия от Иоанна (Новый Завет), множество вариантов перевода и толкования которой дают разные уровни понимания смысла.

Лев Толстой в книге «Перевод и соединение четырёх Евангелий» даёт следующее толкование текста: «Началом всего стало разумение жизни. И разумение жизни стало за Бога» (в значении «разумение выразило Бога»). Название книги писатель объяснял как «возвещение Иисуса Христа о благе»: «В начале всего или началом всего стало разумение жизни по возвещению Иисуса Христа».

Ф. Сухов прекрасно знал статьи Л.Н. Толстого, разделял его жизненную позицию и как писателя, и как человека. «О утoli, утешь моя печали! Уста неутоленные кричали, уста неутоленные кричали, когда ночная ухала сова». Поэт приводит строчку Акафиста Пресвятой Богородице пред иконой «Утoli моя печали». «Радуйся, скоро в бедах и в печалех нас утешающая; радуйся, верою имя Твое призывающих от нечаянныя смерти спасающая. Радуйся, во внезапных на нас находящихся скорбех и печалех скоро нас утешающая; радуйся, всему миру радость дарующая. Радуйся, Радосте наша, избави нас от всякаго зла и утoli наша печали». Стихотворение очень сложно по композиции, богато чувствами горечи, печали о человеческом несовершенстве, нежелании видеть Божественную красоту вокруг себя, наслаждаться Божественным словом, но, как всегда, поэт оптимистичен, радостен: «утешит невеликая Узoла (река в Нижегородской области) полынь великой, страждущей любви, чтоб дивный свет ночного хлебозора, как тайный глас волхвующего зова, не забывался добрыми людьми...» Хлебозор – это отдаленная молния, зарница во время цвета и налива хлеба.

В эти годы и до самого ухода (5 января 1992 года) Ф. Сухов писал в основном только духовные стихи, иногда откликаясь на злобу дня или вспоминая свою военную молодость. Похоронить по-христиански он завещал себя на заброшенном староверском кладбище в могиле бабушки, перед смертью обвенчался со своей женой Клавдией Ермолаевной, исповедался и причастился.

Стихов много, выделим только самые талантливые, приведя яркие строки из них, которые говорят сами за себя. Написано в 1984 году, опубликовано в альманахе «Поэзия» (1985): «Вхожу я в лес, как верующий входит во храм любви, в её святой чертог». Написано в 1985 году, опубликовано в книге «Постать» (1988 год): «Было время – был топор да плаха...» и далее: «Русь моя! Мой терем голубой! Почему-то хочется заплакать над тобой, а больше – над собой», «Наша жизнь не на земле – на небе», «трубит ветхой мудрости глагол»; написано в 1985 году, опубликовано в сборнике духовной поэзии Московского патриархата в 1989 году: «Пою я Твоё Воскресение, о Господи, подвиг Твой славлю! Избавь меня от искушения, я сам-то себя не избавлю».

1986 год – стихотворение «Пасха» с начальными строками «Вместе с Тобой воскресая, Господи, вместе с Тобой...» опубликовано после смерти в «Слове» в 2002 году, ещё одно стихотворение 1986 года, опубликовано в 1988 году в книге «Постать» начинается так: «Что ни дерево – небу свеча, что ни озеро – Богу лампада». Опубликовано в сборнике духовной поэзии Московского патриархата в 1989 году – «На всякий день гляжу как на подарок, да славится дарящая рука!», в том же году Ф. Сухов покается – «Отходил, отступался от Бога, ну а после прощенья просил, – верю истинно, верю глубоко в торжество неразгаданных сил», опубликовано в книге «Мать-имачеха», 1988 год. В 1988 году в СССР неожиданно для всех торжественно отметили 1000-летие Крещения Руси, Сухов в этот юбилейный год напишет несколько знаменательных стихотворений. «Крещение Руси» начинается строками «Принимает Крещение Матушка-Русь, входит в воды Днепра, в Иордан она входит», опубликовано в газете «Православное слово» за 1997 год после смерти поэта. Тогда же написано стихотворение «Плачевное слово», опубликовано в журнале «Наш современник», №2, 1989 год, в котором поэт вспоминает судьбу протоппа Аввакума. В 1991 году в июне в селе Григорове откроется памятник (скульптор В. Клыков) великому писателю Средневековой Руси протоппоу Аввакуму. Сухов на его открытии блистательно прочтёт, после трафаретных, безликих слов местных чиновников, заключительный отрывок из исторической драмы «Красная палата». А в стихотворении поэт пишет: «Аз есмь правды великой глашатай, огнепальные трубят уста, – Свой живот положу я за брата, за нетленное слово Христа», протоппо Аввакум «всё слагает плачевное слово о гибели русской земли». Поэт преклоняется перед подвигом великого, как он его называет, «моего прапрадеда – Петрова Аввакума», писателя, который «сжёг себя в огненной купели, от позора себя уберёт, на незримой возвысился берег, на иной возвратился порог».

В июне 1990 года Ф. Сухов впервые (ранее он переступал границы Родины в 1944 году, когда вместе с победоносной Красной армией вошёл в Польшу, два года до лета 1946 года провел старший лейтенант в Восточной Пруссии) получил заграничный паспорт и поплыл на теплоходе «Башкирия» в святые для всех христиан места – в Сирию, с остановками в Стамбуле, Пирее (Греция). «Да будет свет!» – сказал Господь. Свет разлился над всей землёю», – так начинается одно из его стихотворений, написанных в Сирии, опубликовано после смерти поэта в «Земле нижегородской», №11, 1997 год.

Обзор духовных стихов, написанных поэтом-фронтовиком Фёдором Григорьевичем Суховым, следует закончить стихотворением, написанным накануне последнего дня рождения поэта 11 марта 1991 года, опубликованным сразу после смерти поэта в газете «Курьер» №9, 1992 год.

*Вроде бы тихохонько притопал,
К роковой приблизился черте.
Как во дни всесветного потопа,
Я на утлом плаваю челне.*

*На какое-то надеюсь диво,
Милосердный не покинет Бог –
С увлажнённой прилетит оливой
К моему ковчегу голубок.*

11 марта 1991 года

Поэты суховского поколения сразу воспользовались отменой цензуры, обратились к Богу в стихах, большинство из них пытались по-новому взглянуть и на историю страны, и на современные события, и на самих себя. Это такие поэты, как Б. Ахмадулина, В. Боков, С. Видулов, А. Вознесенский, Г. Горбовский, М. Дудин, Е. Евтушенко, А. Межиров, Л. Ошанин, Р. Рождественский, Д. Самойлов, А. Тарковский, Н. Тряпкин, О. Фокина, В. Цыбин, О. Чухонцев и др. После 1985 года в советской поэзии, да и в прозе, наступили переоценка всех советских ценностей и разрушение советских идеалов. Они были для большинства известных поэтов очень мучительными. Но Фёдор Сухов, ровесник СССР (1922–1992), никогда не изменял своим предкам, не отрекался от них: писал духовные стихи в богоборческое время, публиковал их, пытался жить «по совести», по Евангельским заповедям всегда.

«Духовная поэзия – необычайно сложная и деликатная область русской литературы. Вступающему в нее необходимо преодолеть три основных препятствия: 1) филологическое (проблема соединения церковного и литературного языка, особенно в семантическом отношении); 2) религиозное (проблема обновленчества); 3) личностное (проблема духовного роста, степени постижения Бога). Вот почему, – пишет А. Архангельский, – профессионалы отступают перед величием и непосильностью задачи... А дилетанты ничего не боятся – ибо они не чувствуют, не слышат страшного безмолвия своих слов».

Поэта Фёдора Сухова можно отнести к «профессионалам», не испугавшимся «величия и непосильности задачи», преодолевшим те три препятствия, о которых пишет А. Архангельский.

